

СОПОВ Игорь Александрович – старший преподаватель кафедры теории и практики масс-медиа Санкт-Петербургского государственного экономического университета (191023, Россия, г. Санкт-Петербург, Садовая ул., 21)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛУХИ: ПОВОРОТ ОТ РЕДУКЦИОНИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ К СИНТЕЗУ ПОЛИТИЧЕСКОГО, КУЛЬТУРНОГО И КОММУНИКАТИВНОГО ИЗМЕРЕНИЙ

Аннотация. Работа посвящена критическому анализу эволюции теоретических подходов к феномену политических слухов. Преодолевая позитивистскую парадигму, в рамках которой политические слухи рассматриваются как социальная патология и искажение объективных фактов, автор исследует политические слухи как сложный процесс коллективного производства смыслов. В статье раскрывается роль политических слухов как формы скрытого политического действия и акта политического участия в условиях неопределенности. Автор делает вывод о неспособности редукционистских исследовательских подходов адекватно объяснить сложную природу политических слухов и подчеркивает необходимость расширения проблемного поля исследований политических слухов за счет включения культурного измерения.

Ключевые слова: политические слухи, политическое измерение слухов, групповая коммуникация, производство знания, социальный конфликт, власть, политическое участие

В современных исследованиях политических слухов наблюдается заметный поворот от статического к процессуальному пониманию коммуникативных феноменов. Данное исследование развивает этот подход, рассматривая политические слухи не как готовый информационный продукт, а как динамический процесс их генерации и циркуляции в контексте групповой коммуникации. Такой подход обуславливает необходимость анализа социально-пространственных и социально-временных условий, детерминирующих возникновение и распространение политических слухов.

Отметим, что с методологической точки зрения анализ политических слухов требует принципиального смещения фокуса научного исследования. При этом содержательный аспект слуха (совокупность версий и нарративов) не представляет самостоятельного гносеологического интереса. Основной фокус исследования должен быть направлен на анализ контекста группового производства, в рамках которого генерируются и получают легитимацию различные версии политического слуха. Указанный методологический подход открывает возможность для исследования политического измерения слухов и позволяет перейти к анализу слухов как индикаторов альтернативных эпистемических структур, формирующихся на периферии официального политического дискурса.

Преодолевая ограничения позитивистской парадигмы, сосредоточенной на верификации содержания слухов, исследователь фокусируется на анализе слухов как инструментов политической конкуренции.

Анализ политических слухов, таким образом, предполагает не только изучение содержания их многочисленных версий, но и изучение контекста группового производства, в котором эти версии возникли.

Термин «слухи» исторически ассоциирован с практиками, косвенно оспаривающими эпистемический статус нарративов, они создаются и распространяются на периферии институтов, за пределами централизованных систем коммуникации.

Первые исследователи слухов рассматривали феномен слухов как социальную болезнь, патологию. Такой подход был обусловлен принятой дихотомией «новости – слухи», в рамках которой слухи трактовались как девиантная форма коммуникации, принципиально противостоящая объективным и верифицируемым новостям, распространяемым через формальные институты.

Так, в то время как новости ассоциировались с правдой, объективностью и «формальной коммуникацией», слухи ассоциировались с ложью, искажением реальных фактов, неформальным или вербальным общением. В рамках такой дихотомии предполагалась только одна истина и одна реальность: новости выступали как объективное отражение реальности, СМИ – как нейтральные носители информации. В указанной логике искажение реальности возникало вследствие отклонения от новостей: «Если я отойду от текста, который видел напечатанным, то возникают слухи» [Allport, Postman 1947: 12]. Таким образом, первопричина искажения информации виделась в субъективности, характеризующейся, с одной стороны, стремлением манипулировать, а с другой – ограниченной памятью и набором индивидуальных эмоциональных потребностей. Слухи связывались с неспособностью людей надежно записывать, запоминать и передавать факты. Ф. Бартлетт, один из представителей гештальт-психологии, предлагает Кнаппу, Оллпорту и Постману объяснительную схему слухов, подчеркивая, что процессы создания и распространения слухов подчиняются мнемоническим правилам и закономерностям [Bartlett 1932]. Эти закономерности позволяют увидеть, как конкретные детали опускаются, устраняются или преувеличиваются и как истории адаптируются к определенным более или менее жестким структурам восприятия и когнитивной конфигурации, препятствующим точной фиксации событий. Описывая многочисленные лабораторные эксперименты, Оллпорт и Постман объясняют трудности, с которыми сталкиваются люди при восприятии и передаче информации. «Действительно, когда мы говорим об искажении слухов, о том, насколько они отклоняются от первоначальной информации, мы используем буквальный критерий. Мы оцениваем содержание, сравнивая его с объективными фактами» [Allport, Postman 1947: 166]. В этом смысле изучение и объяснение феномена слухов означает понимание того, как люди непреднамеренно искажают реальность. Но, как уже упоминалось выше, слухи также связаны с манипуляцией, с преднамеренным искажением информации. Они также являются результатом скрытой и замаскированной политической пропаганды. В этой связи упомянутые выше исследователи придают большое значение объяснению психологических потребностей и мотивов, побуждающих людей позволять собой манипулировать и участвовать в распространении слухов.

В этом смысле психология, предложенная Оллпортом, Постманом и Кнаппом, представляет собой не столько нейтральный психологический анализ слухов, сколько политическую клинику явления, запрограммированного и обреченного стать болезнью еще до того, как его исследуют [Zires 2005: 118].

Среди других авторов, подчеркивающих политическое измерение слухов, можно выделить Де Ипола [Un juego de cartas políticas 1982]. Он изучает системы коммуникации между политическими заключенными в аргентин-

ской тюрьме. Слухи – это нарушение институциональных кодексов; это не только сопротивление и противостояние власти, но и создание знания, продуктивного для группы, знания, организованного по определенным правилам и формирующего групповую власть среди заключенных. Истинность или ложность слуха также не представляет интереса в данном контексте, и в определенном смысле можно сказать, что даже содержание слухов не является объектом аналитического внимания.

В своем исследовании слухов, распространяющихся среди политических заключенных в аргентинских тюрьмах, Де Ипола подчеркивает невозможность разделения моментов производства, распространения и восприятия слухов.

В работе Эдгара Морена слухи рассматриваются как неполные устные тексты, постоянно меняющиеся в зависимости от исторического и культурного контекста, в котором они циркулируют [Morin 1969]. В связи с этим важно учитывать их множественность и динамику трансформации. Характерной чертой слуха является краткость и недолговечность истории, хотя он и сохраняется в коллективной памяти сообщества и служит пищей для размышлений. Когда слух сохраняется, он превращается в легенду или миф, т.е. в историю, которая считается более долговечной и постоянной.

В противовес рассмотренным выше подходам Т. Шибутани рассматривает слух как «импровизированные новости», ключевой функцией которых является восстановление коллективного консенсуса в ситуации неопределенности [Shibutani 1966: 120]. Его подход, представляющий собой синтез кибернетической социологии с элементами функционализма и бихевиоризма, исключает из аналитического горизонта измерение социального конфликта и власти. Общество рассматривается как коммуникативная система постоянной обратной связи и самокорректирующихся приспособлений в соответствии с окружающей средой, тяготеющая к самоконтролю или социальному контролю. Индивид как «социализированная личность» или как «миниатюрное общество» также определяется как система самоконтроля и социального контроля. Его поведение, а следовательно и коммуникативная деятельность, регулируются нормами, условностями и групповыми ожиданиями. У каждого человека есть роль, соответствующая устоявшейся модели поведения. Различное участие индивидов в создании и распространении слухов рассматривается в этом контексте как часть «коллективной транзакции», «сотрудничества», «согласованного действия», в ходе которого достигается консенсус. С этой точки зрения проблема истины и объективности слухов также не представляет интереса. Более того, по словам Шибутани, «если считать слух искажением, то почти все, что говорят люди, является слухом, поскольку буквальное воспроизведение встречается редко» [Shibutani 1966: 8]. Далее он утверждает: «То, что кажется преобразованием содержания слуха – обычно называемым искажением – на самом деле является частью процесса конструирования, посредством которого люди пытаются достичь понимания и консенсуса» [Shibutani 1966: 16].

Основная проблема указанного подхода состоит в том, что он исключает из аналитического анализа такие фундаментальные категории, как социальный конфликт и власть. В этом смысле общество и индивид рассматриваются исключительно как гомеостатические системы, ориентированные на самоконтроль, обратную связь и адаптацию к среде, коммуникация служит лишь поддержанию равновесия и консенсуса. Поведение индивида редуцируется до исполнения нормативной роли, он есть продукт социального контроля, а не активный субъект, способный к производству альтернативных смыслов.

В рамках приведенного подхода создание и распространение политических слухов выступает как кооперативный процесс («коллективная транзакция», «согласованное действие»), нацеленный на достижение консенсуса. Таким образом, игнорируется принудительный, манипулятивный или конфликтный потенциал слухов, их роль в политической конкуренции.

Другим исследователем слухов, который подчеркивает их политическое измерение и переосмысливает их вне сферы войны, является Ж.-Н. Капферер. Критически оценивая теоретические и политические подходы первых исследователей слухов (Кнапп, Олпорт, Постман и Шибутани), он утверждает, что «без слухов нет политики» [Капферер 2016]. Слухи представляют собой информацию, которая соответствует, а иногда и противоречит информации из официальных источников. Она представляет собой нарушение социальных норм и определенный вызов официальной власти.

Описывая наиболее часто встречающиеся темы, затрагиваемые слухами во Франции в контексте политики, Капферер не приписывает им общей функции, заменяющей официальные источники информации, и не считает их сопротивлением как таковым. Напротив, рассматриваемые им случаи свидетельствуют, что слухи вписаны в меняющееся поле сил, где трудно определить точную роль, которую они могут играть, кроме того, эта роль также подвержена постоянным изменениям. По мнению Капферера, недостаток использования слухов в политических целях заключается именно в том, что результаты этого использования зачастую труднопредсказуемы. Иногда слухи возвращаются к своим же передатчикам: «опровергнутый ложный слух позволяет избавиться от будущих» [Капферер 2016: 247].

Политическое измерение слухов не ограничивается макросоциальными сферами или политикой в самом узком смысле (правительственные органы, политические партии, профсоюзы), но распространяется на все типы организаций (предприятия, школы) [Козлова 2021].

В каждой организации, наряду с легитимными коммуникационными цепями и процедурами, слухи создают фантомные, параллельные и невидимые цепочки. Они позволяют заинтересованным сторонам выиграть время: в жизни каждой организации эффект неожиданности важен для создания и реализации изменений. Как можно заметить, подходы к исследованию политических слухов Кнаппа, Олпорта и Постмана, Дроге, Де Иполы, Шибутани и Капферера содержат существенные различия. Теоретические и политические взгляды этих исследователей отражают различные аспекты очень сложного и латентного явления, которое трудно четко артикулировать. Очевидно, что исследование политических слухов с необходимостью требует учета как контекста изучаемого явления, так и концептуальных оснований исследования.

В современных исследованиях политических слухов наблюдается заметный интерес к изучению пространственной и временной логики, управляющей дискурсивным развитием политических слухов.

Интерес исследователей сосредоточен на выявлении того, что «не говорится» в институционализированных центрах коммуникации, того, что формулируется в «неформальных» пространствах коммуникации, а также на временной логике, регулирующей этот процесс. Политические слухи рассматриваются не только как результат пассивного или открытого сопротивления официальной власти, но и как продукт культурной гетерогенности общества.

Критика консенсусной модели Шибутани представляется обоснованной в свете анализа властных отношений. Сложно игнорировать тот факт, что

слухи циркулируют в поле множественных стратегий и конкурентной борьбы как между официальными и неофициальными институтами, так и между различными социальными группами, где конфликт выступает ключевым структурирующим элементом. Вместе с тем взаимодействие между формальными и неформальными каналами коммуникации не всегда носит антагонистический характер. Существуют контекстуальные условия, порождающие зоны нормативной конвергенции и временного согласия.

Шибутани подчеркивает существование норм, которые регулируют коммуникативную деятельность субъектов. Они используются как инструмент индивидуального самоконтроля и группового контроля. Эти нормы определяют отбор конкретной информации и определенную интерпретацию или конструирование социальной реальности в каждой группе. В этом смысле Шибутани утверждает, что слух выполняет консенсуальную функцию, поскольку его производство регулируется уже принятыми нормами, которые предшествуют его производству или подкрепляются им. Однако если рассматривать его в терминах консенсуса, он является внутренним для группы, но не для общества в целом.

С другой стороны, следует учитывать, что эти группы, которые он определяет как «публику» слухов, часто неоднородны, а правила, регулирующие их деятельность, могут быть весьма разнородными и пользоваться низким уровнем признания среди людей, временно их составляющих. Более того, не все эти нормы представляют собой неизменные стереотипы – многие из них подвергаются проверке, поэтому самоконтроль и групповой контроль не всегда столь эффективны, как предполагает Шибутани. Более того, одни и те же нормы управляют различными социальными группами, а одни и те же правила управляют коммуникативным производством в официальной и неформальной системах. Это ставит под сомнение консенсуальную функцию слухов, их «согласованное действие», которое, по мнению Шибутани, предполагает их создание или распространение.

Слухи как продукт локальных процессов и неформальных СМИ допускают множественные и разнообразные интерпретации и конструирование социальной реальности, тем самым позволяя выявить процессы культурной дифференциации и политической децентрализации, происходящие внутри обществ.

Однако несмотря на то, что логика производства слухов в определенные периоды времени связана с логикой производства новостей и может выполнять определенные функции, заменяя новости, политические слухи представляют собой более широкое и сложное явление, которое не ограничивается ролью дополнения к официальной информации. В связи с этим анализ политических слухов нельзя рассматривать исключительно как исследование «процессов восприятия» официальных сообщений, как это делают многие исследователи, анализируя только те слухи, которые непосредственно связаны с официальными сообщениями.

Политические слухи не являются лишь реакцией на лакуны в информации из официальных центров коммуникации. Их производство и трансформация представляют собой самостоятельный социальный процесс, укорененный в структурах неформальных и горизонтальных сетей. Специфика данного процесса заключается в том, что он подчиняется не универсальным медиазаконам, а внутренней логике конкретных локаций – социальных, географических и культурных контекстов, в которых эти сети функционируют. Именно эта логика определяет, какие нарративы порождаются, как они распростра-

няются и каким трансформациям подвергаются, создавая множественные, часто конкурирующие версии социальной реальности.

Таким образом, центральной исследовательской задачей становится не просто документирование слухов, а реконструкция имплицитных правил и кодов, регулирующих коммуникацию в этих децентрализованных сетях, и выявление того, как через механизмы слуха проявляются альтернативные по отношению к официальным центры социального структурирования и политической субъектности.

Изучение слухов в то же время сталкивается с серьезной методологической проблемой – необходимостью анализа фрагментированной и плюралистичной эпистемической среды. Эта среда состоит из множества изолированных локальных нарративов и знаний, циркулирующих через каналы с неоднородным уровнем легитимности, и одновременно – из сложных процессов апроприации и реконтекстуализации дискурсов официальных медиа.

Помимо перспективы, устанавливающей противопоставление новостей и слухов (дихотомия «новости – слухи»), а также связь между происхождением слухов и цензурой, аналитическая перспектива исследования политических слухов расширяется, включая в себя не только измерение власти, но и измерение культуры.

В этой связи особенно подчеркивается, что культура играет значимую роль в создании, трансформации и распространении политических слухов, причем ее конкретное влияние определяется спецификой культурного контекста.

Анализ дискурса политических слухов наглядно свидетельствует об определенном повороте в подходе к изучению слухов. Если ранние исследователи (Кнапп, Оллпорт, Постман) рассматривали политические слухи как социальную патологию, дисфункцию, то современная наука видит в них естественный процесс, в основе которого лежит политическая конкурентная борьба.

Ранние исследователи слухов не акцентировали их коллективное измерение и, следовательно, не учитывали их связь с коллективной памятью. Они исходили из индивидуально-психологической перспективы и сводили слух к индивидуальному феномену и искажению индивидуальной памяти [Горбатов 2009: 73]. Субъект, о котором они говорят, – это либо забывчивый человек, либо сознательный искажитель истины. В этом смысле слух – это продукт забывания или преднамеренного искажения информации [Кнапп 1944: 28]. Слух может приобретать разное значение в определенном пространстве в зависимости от физической среды, окружающей людей, участвующих в его распространении, а также от норм, регулирующих эту среду, что делает его особым социокультурным пространством.

Современный дискурс политических слухов исходит из того, что слухи не просто искажают реальность, но и активно конструируют политическую реальность, выступая важным фактором ее формирования.

Исследователи подчеркивают, что слухи не сводятся к когнитивным искажениям или психологическим потребностям. Они имеют ярко выраженное политическое и властное измерение.

Проблемное поле современных исследований политических слухов расширяется за счет включения культурного измерения. Слухи не просто циркулируют, но трансформируются в зависимости от культурных моделей, норм и контекстов, в которые они попадают. Они являются продуктом локальных коммуникативных процессов.

Таким образом, современное изучение политических слухов представ-

ляет собой сложное междисциплинарное исследование, с необходимостью интегрирующее в себя измерения власти, культуры и групповой динамики. Политические слухи перестали быть маргинальным феноменом: в современном научном дискурсе они рассматриваются как неотъемлемый фактор формирования политической реальности.

Список литературы

Горбатов Д.С. 2009. Слухи, сплетни, городские легенды: психологическая природа различий. — *Вопросы психологии*. № 4. С. 71-79.

Капферер Ж.-Н. 2016. *Слухи: самый древний массмедиа* (пер. с фр.). М.: Изд-во «Э». 264 с.

Козлова М.А. 2021. Феномен слухов как фактор формирования общественно-политических настроений русского общества конца XIX — начала XX в.: постановка проблемы. — *Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания: 6-й молодежный конвент УрФУ: материалы международной конференции (24–26 марта 2022 г.)*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. С. 82-84.

Allport G.W., Postman L. 1947. *The Psychology of Rumor*. N.Y.: Henry Holt and Company. 247 p.

Bartlett F.C. 1932. *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press. 317 p.

Knapp R.H. A 1944. Psychology of Rumor. — *Public Opinion Quarterly*. Vol. 8. No. 1. P. 22-37.

Morin E. 1969. *La Rumeur d'Orléans*. Paris: Éditions du Seuil. 286 p.

Shibutani T. 1966. *Improvised News: A Sociological Study of Rumor*. Indianapolis: The Bobbs-Merrill Company. x+262 p.

Zires M. 2005. *Del rumor al tejido cultural y saber político*. Mexico: Universidad Autónoma Metropolitana, Unidad Xochimilco. 320 p.

Un juego de cartas políticas (intelectuales y discurso autoritario en la Argentina actual): ponencia presentada al XII Congreso de la International Political Science Association. Río de Janeiro, 9 al 14 de agosto de 1982. México: Facultad Latinoamericana de Ciencias Sociales, Coordinación Académica, Sede México. 106 p.

SOPOV Igor Aleksandrovich, Senior Lecturer of the Chair of Mass Media Theory and Practice, Saint Petersburg State University of Economics (21 Sadovaya St, Saint Petersburg, Russia, 191023)

POLITICAL RUMORS: A TURN FROM REDUCTIONIST CONCEPTS TO A SYNTHESIS OF POLITICAL, CULTURAL AND COMMUNICATIVE DIMENSIONS

Abstract. This paper critically analyzes the evolution of theoretical approaches to the phenomenon of political rumors. Overcoming the positivist paradigm, which viewed rumors as social pathology and a distortion of objective facts, the author examines political rumors as a complex process of collective meaning production. The paper reveals the role of rumors as a form of hidden political action and an act of political participation under conditions of uncertainty. The author concludes that reductionist research approaches are incapable of explaining the complex nature of political rumors adequately and emphasizes the need to expand the scope of political rumor research by incorporating a cultural dimension.

Keywords: political rumors, political dimension of rumors, group communication, knowledge production, social conflict, power, political participation